

12. Полохова Н. В. Своєрідність психологізму в художній прозі Є. Гуцала 70-х рр. XX ст. [Текст] : дис. ... канд. філол. наук : 10.01.01 / Полохова Наталія Володимирівна; Дніпропетр. нац. ун-т ім. О. Гончара. – Д., 2009. – 182 с.
13. Скуратівський В. Т. Русалії / В. Т. Скуратівський. – К. : Дніпро. – 1996. – 729 с.
14. Хорошков М. М. Художній світ Івана Чендея [Текст] : автореф. дис... канд. філол. наук : 10.01.01 / Хорошков Микола Миколайович ; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2007. – 19 с.
15. Чендей І. М. Вибрані твори [Текст] : в 2-х т. / І. М. Чендей; передм. М. Г. Жулинського. – К. : Дніпро, 1982. – Т. 1 : Птахи полишають гнізда : роман, оповідання. – К. : Дніпро, 1982. – 623 с.
16. Чендей І. М. Вибрані твори [Текст] : в 2-х т. / І. М. Чендей. – К. : Дніпро, 1982. – Т. 2 : Повісті. – К. : Дніпро, 1982. – 516 с.
17. Чендей І. Зелена Верховина. Повість. Оповідання. / І. Чендей. – К. : Дніпро, 1975. – 439 с.

УДК 821.161.1 «19»

ПОЭТИЧЕСКИЕ ИМПУЛЬСЫ ПУТЕВОЙ ПРОЗЫ К. СЛУЧЕВСКОГО («ПОЕЗДКИ ПО СЕВЕРУ РОССИИ В 1885 – 1886 ГГ.»)

Юферева Е.В., к. филол.н.

Запорожский национальный технический университет

В статье освещаются проблемы взаимодействия прозы и поэзии в травелог К. Случевского. Анализируются принципы поэтизации прозы и аспекты автоинтертекстуальности творчества К. Случевского.

Ключевые слова: проза, поэзия, травелог, автоинтертекстуальность.

Юферева О.В. ПОЕТИЧНІ ІМПУЛЬСИ ПОДОРОЖНЬОЇ ПРОЗИ К. СЛУЧЕВСЬКОГО («ПОЕЗДКИ ПО СЕВЕРУ РОССИИ В 1885 – 1886 гг.») / Запорізький національний технічний університет, Україна

У статті висвітлюється проблема взаємодії прози і поезії в травелозі К. Случевского. Аналізуються принципи поетизації прози та аспекти автоінтертекстуальності творчості К. Случевского.

Ключові слова: проза, поезія, травелог, автоінтертекстуальність.

Yufereva O.V. POETIC IMPULSES OF K. SLUCHEVSKII'S TRAVEL PROSE ("POEZDKI PO SEVERU ROSSII V 1885 – 1886) / Zaporizhzhya National Technical University, Ukraine

The article deals with the problem of prose and poetry interaction in K. Sluchevskii's travelog. It analyzes the principles of prose poeticization and considers the aspects of autointertextual aspects of K. Sluchevskii's creative work.

Key words: prose, poetry, travelogue, autointertextuality.

О соотношении прозаического и поэтического в литературоведении сказано много. Однако использование «поэзии» в этой оппозиции вместо возможных смежных понятий остается дискуссионным и требует осмысления. Убедительно звучит предостережение Ю. Орлицкого: «В этой паре понятий – проза и поэзия – все настолько запутано и субъективно, что пользоваться этим противопоставлением надо с особой осторожностью, постоянно оглядываясь при этом на сложившуюся традицию. Другое дело – оппозиция «стих и проза», позволяющая практически всегда точно определить статус текста, т.е. отнести его или к стихотворной или к прозаической традиции» [7, 16]. Ранее о расплывчатости объема и оценочной окраске термина «поэзия» писал Ю. Тынянов [12, 3].

В литературоведении последних лет понятие поэзии приобретает большую устойчивость, как нам кажется, во многом благодаря преодолению формализованного подхода к ней. Вместе с тем, это привело к явному увеличению семантического объема термина. Например, в междисциплинарной перспективе поэзия как дискурс приобретает не только формальную выделенность, но и коммуникативно-прагматическую, социокультурную, паралингвистическую специфику (П. Ковалев [5], Е. Горло [2]). Сходную актуализацией когнитивного аспекта (правда, на других методологических основаниях) концепцию обнаруживаем в работе И. Поплавской [6]. Систематизируя существующие критерии сопоставления прозы и поэзии, исследователь выделяет ритмический, стилистический, структурно-семиотический и структурно-семантический подходы. Последний из перечисленных позволяет соединить понимание поэзии как жанрово-стилевой категории и типа художественного мышления, что открывает путь к толкованию многих переходных явлений, возникающих на рубеже XIX – XX вв.

Одно из таких явлений – травелог К. Случевского «Поездки по Северу России в 1885 – 1886 гг.». В исследовательской литературе упоминания о нем незначительны. Но сам факт переиздания путешествия К. Случевского в 2009 году свидетельствует о возросшем интересе и к творчеству К. Случевского, и к травелогу как особой литературной форме. Цель же нашей статьи заключается в анализе поэтических интенций и их выражения в нехудожественном путешествии как отражения специфического мышления автора. Анализируя особенности поэтических элементов и их функции в произведении К. Случевского, мы актуализируем следующие аспекты структуры текста: сюжетно-композиционная роль, метроритмические элементы, образно-стилистические особенности.

Общим местом большинства исследований, посвященных проблеме жанра путешествия, является его презентация как переходного образования, на границе эстетической/неэстетической систем. Установка жанра на подлинность, документальность наряду с художественной обработкой, органический синтез «бытового материала с преображенным автором особым миром» [8, 110], – так характеризуются путевые очерки, дневники, записки. Сопровождая в поездках великого князя Владимира Александровича в качестве историографа, поэт не вуалирует государственный интерес, которым и оправдано подробнейшее описание заводов, рыбного промысла, обилие статистических данных. К. Случевский, занимающий высокие посты и, кроме того, являющийся действительным членом российского географического общества, проявлял неподдельный интерес к деталям быта и производства, географической специфике северного региона. Жанр травелога для решения задач наблюдения и описания обладает довольно широкими возможностями. Можно заметить, что К. Случевский в травелоге целенаправленного и последовательного поиска в жанровом смысле не осуществлял. Но тем ярче проступает своеобразие свойств мышления писавшего путевую прозу. В тексте возникают периоды, в которых этногеографическая подоплека уходит на второй план. Ощущение перевернутости, зыбкости, неустойчивости, передаваемое в этих фрагментах, выразительно контрастирует с ясностью, деловитостью наблюдений и замечаний по «хозяйственной» части. Напряженность осознания и переживания особенности пространства Севера, его метафизики выражается в трансформации, «переплавке» сюжетного контура: факт, объективная подробность, вещность выталкивается за пределы эмоционального созерцания, вызывая иной ритм мысли и чувства.

Нужно сказать, что слово «мышление» в разговоре о творчестве К. Случевского приобретает особый, отнюдь не метафорический, смысл. Именно эта сторона его поэтического дарования провоцировала стилистические неровности, впечатление художественной неполноценности и вызывала недоумение у современников. Полную картину критической оценки поэзии К. Случевского дают нам современные исследования А. Ипполитовой [4] и Е. Тахо-Годи [11]. Закономерно, что и в прозе наблюдаются такие особенности, как резкие стилистические перепады от обыденного к высокопоэтическому слову, переходы мысли от цифры к образу, композиционная многоплановость, но только в зеркальном отражении. Если поэзия К. Случевского критиковалась за «пренебрежение к форме», то в прозе возникает ощущение нарочитой и, пожалуй, избыточной, обработанности. Эта избыточность является следствием вмешательства в прозу другого языка, организованного по иным законам, но подчиненного той же, что и в поэзии задаче – отобразить процесс мышления, философское отношение к миру.

Итак, в «Поездке по Северу» К. Случевского переплелись статистика, социальная проблематика, описание природы и быта, размышления на различные темы, в первую очередь, этнографические, экономические. Вместе с тем, в путешествии ощущается стремление к уходу от актуальности через постижение какой-то истины, заложенной в раннее невиданных формах земного существования, поиск подсказки об устройстве и законах жизни. Так создается атмосфера хаотичности, неустойчивости: «В Белом море вообще нет покоя, но в горле его идет вечная зыбь, постоянная толчея» [10, 52]. Здесь раскрываются мысли, которые отличают и лирические произведения К. Случевского. Состязание человека и природы, осознание своей силы и торжество мощи океана вплетаются в описание бытового устройства и обычаев на «Забияке»: «Чем сильнее качнет, чем порывестее ударит ветер в борта и рассыплется множеством отдельных голосочков по всяким закоулочкам клипера, тем яснее и яснее становилось чувство: а я все-таки плыву куда хочу, а я все-таки сила и не меньше той, что кругом меня бушует и неистовствует» [10, 53]. Жизнь и смерть, движение и неподвижность будут осмысляться как в путевой прозе, так и поэзии К. Случевского. В травелог также проникают узнаваемые мотивы тоски, печали, непонимания и отчужденности.

Поэтически обобщенные размышления, метафорические описания переплетаются с конкретикой наблюдаемой деятельности, природы, обычаев. Например, в главе с обыденно-тематическим заголовком «Арский китобойный завод» встречается замечательное описание северного солнца, резко сменяющееся темой матросской пицци. Для травелога такие сопряжения – вещь обычная, следствие характерной для жанра мозаичности. Но в произведении К. Случевского контраст усиливается столкновением разных отрывков и с тематической, и со стилистической точки зрения: размытость, вещественная разреженность, неопределенность описания, акцентированная повторением слов, инверсией, удлинением ритмическим «шагом» прозы – с одной стороны; и деловитая динамичность, точность, семантическая однозначность коротких и ясных предложений – с другой. Сравним: «В этой стране полуночного света мало было света только одного солнца, и вот зажглось над нами, медленно поигрывая широкими радужными лучами своими,

как на румяных картинах, другое, ложное солнце. Мало было и этого: зажглось третье, но уже очень бледное, едва видневшееся светлым пятном в серовато-розовых легких облаках» [10, 97]. И: «Сегодняшняя матросская пища была совершенно исключительного характера. Его Высочеству был поднесен местными промышленниками громадный палтус, ближайший родственник кривой, но вкусной камбалы. Достигают здешние палтусы, говорят, до 14 пудов веса... Палтус зовется не напрасно «свиной промышленник». Уха из него действительно была чем-то из ряда вон хорошим и питательным» [10, 97]. Этот смысловой скачок создает необычайный эффект: кажется, что не случайно К. Случевский уравнивает «высокое солнце» и «питательную уху», что в этом заключается особая ирония над устройством человеческого мира.

В ходе анализа обнаружилось, что усиление концентрации стиховости происходит в сильных позициях: начале и конце глав. Ритмически выделенные фрагменты как эмоциональные акценты, обладают значительной функцией сюжетно-композиционного завершения. Внутренняя однородность подобных метроритмических эпизодов и их симметричность в структуре книги – также свидетельство определенного ритма в организации травелога: сгущенность и динамика сменяется более плавным ритмическим рисунком и большей удаленностью повествования от действительности. Отрывки, организованные особым образом, о котором речь пойдет ниже, формируют лирический план произведения. Нельзя сказать, что он доминирует, но, без сомнения, уводит травелог от перенасыщения фактологичностью, статистическими данными.

Очевидно, создавая ритмические контрасты, автор усиливает и модальную неоднородность. Несмотря на огромное внимание к заводам, разделке китов и особенностям рыбьего размножения, примитивному и неустроенному быту, К. Случевский стремится избежать сухости путевого и/или административного отчета, прежде всего тем, что оставляет заметный след собственного восприятия. Примечательность его выражения в травелоге заключается в том, что «я»-позиция в тексте крайне размыта, но есть «мы» и «наше», нигде не допускается самообнажение, уход в автобиографизм. Если в поэзии К. Случевского устойчивость безличности связана с «враждебностью мира, уходом в подполье» [11, 207], то в травелоге, объясняется ли она жанровой целесообразностью, историографической функцией или скромностью подданного, позволяет выдержать дистанцию между субъектом и объектом.

Интересно, что эта черта травелога К. Случевского напоминает известное путешествие А. Чехова, в котором неоднозначность роли «демонстративной сухости» заставляет задуматься о значении «этнологических» фактов. «Статистический «жест» задает упорядочивающий принцип, с помощью которого скрывается рассказчик, но, с другой стороны, этот принцип создает для него если не алиби, то пространство для повествовательных, комментаторских и по-настоящему поэтических пассажей» [3, 54]. Автор приведенного мнения полагает, что основной вопрос понимания текста А. Чехова заключается в том, выступает он как «автор» или как «писарь» 55. Думается, что характер «колебания» между писарем (историографом) и поэтом в травелоге К. Случевского также становится влиятельным смысло- и стилиобразующим фактором.

Проанализируем средства создания поэтического в тексте К. Случевского. В травелоге наблюдается интенсификация «колеблющихся» признаков (Ю. Тынянов) лексем, образование особенных слов-концептов с концентрированной и обобщенной семантикой, – отличительным признаком стилистической системы лирики русского поэта. Регулярность их употребления сообщает прозе образность, символизирует пространство. «Жизнь», «молчание», «толчая», «солнце», «обличье», «однообразие», – наиболее значительные образы «Поездок». Сравним: «Пугает вечный шум безумной толчей» [9, 515] («Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед» из цикла «Думы») и: «В Белом море вообще нет покоя, но в горле его идет вечная зыбь, постоянная толчая» [10, 52]. Даже цвет превращается в самостоятельный атрибут, приглушающий описательность: «Эта искрящаяся зелень переходит в глубокую синь» [10, 74], «они тоже будто мерцали тою же краснотой» [10, 135], «безупречная лазурь неба» [10, 74].

Помимо субстантивации, к морфологическим средствам следует также отнести и деминутивы. Так, например, передается взаимоотношение разных форм жизни, борьба между ними. Подчинение творит особые формы существования. На фоне гранитов и грейсов, колоссальных размеров возникает «березка-лилипут», «березка-карлица», «миловидная розовыми цветочками своими мелкая вороница», которыми любитесь автор-поэт [10, 75]. Эти растительные образы перекликаются с пигмеями-сосенками – образом из цикла «Мурманские отголоски», в котором смысл проецируется уже в сферу человеческого существования. Тема бледного, маленького, бессильного, по каким-то причинам недоразвившегося чувства, замысла или даже человека осваивалась и Случевским-поэтом. Вот в цикле «Лирические» возникает новый образ для XIX века:

Вечно смутен, тревожен их взгляд,
Все как-будто о чем-то молчат...
Откровенной улыбки в них нет,
Ласки странны, двусмыслен совет...

Эта бледность породы людской

Родилась из природы самой [9, 524].

Сходные эмоциональные и смысловые переключки улавливаются и в мотиве одинокой тропики, «путика». «За вершинами их в бесконечную даль матерой земли пейзаж, по заверениям местных людей, однообразен до невероятия. Это бесконечные тундры, болота, низкорослый лес, совершенное отсутствие людского жилья и дорог, если не считать одиноких, разбросанных на великих расстояниях охотничьих сторожек и тропинок – «путиков», охотниками проложенных. <...> Удивительная эта страна, Север. <...> Вам говорит охотник, что вы стоите на «путике», что вот он там, дальше тянется, но вы решительно ничего не замечаете, кроме бесконечной крупной сыпи камней да торчащих между ними кустиков и стволиков растительных лилипутов, покрытых мелким буреломом, от которого в глазах пестрит; так она, окрестность, сера, бесконечна, безотрадна» [10, 105]. В поэзии мотив тайных тропинок превращается в аллгорию бездомных, незаметных и безымянных чувств:

Шли путем неведомым...

Шли дорожкой скрытою,

Бог весть кем проложенной

И почти забытою!..

В сердце человеческом

Есть обетованные

Тропочки закрытые,

Вовсе безымянные! [9, 81]

Сопоставление цикла поэта «Мурманские отголоски» и травелога «Поездки по Северу России в 1885 – 1886 годах» дает различные примеры автоинтертекстуальности как «семантической эквивалентности текстов на оси прозы и поэзии» [13, 91]. В цикле «Мурманские отголоски» подхватывается и развивается, прежде всего, эмоционально-образная составляющая впечатлений, которая в травелоге возникает спонтанно и также внезапно растворяется в этнографических зарисовках. Одной из примечательных автоинтертекстуальных линий является не описание, а переживание уникальности Севера, его «самостоятельности». В травелоге автор видит «молчаливую музыку камней и туманов» [10, 96] и молчаливую тундру, от которой веет смертью [10, 154]; «пролегли в страдании гранитные массы» [10, 141] и «скелет» Мурманя, оставшийся после странствия камней [10, 75]. Эта противоположность, рождающая странную жизнь, в поэзии осмысливается так:

Неподвижны очертанья
Здесь скал и островов:
Это летопись страданья
Исковерканных пластов;

Эпопея или драма
Жизни каменных пород!
Небеса и море – рама,
Та же все из года в год [9, 628]

Стихотворения продолжают то, что едва намечено в прозе. В теме поэтической развиваются детали, с точки зрения травелога незначительные и, уводя их от эмпирики, довершает в воображении. Так, например, в «Поездках» упоминается о ходьбе по берегу: «Ходить было хорошо, но надо было подумать о возвращении к берегу, так как прилив, следовавший непосредственно вслед за отливом, набегал очень быстро, так быстро, что не в шутку легко можно было быть отрезанным от земли; кругом никого – делай тогда, что хочешь» [10, 115]. Этот небольшой эпизод превращается в поэтическом цикле в развернутую сцену смерти от прилива, поданную с разных сторон – безличностной констатации наступления воды и тревожной, сбивчивой мысли помора о поиске спасения.

Еще одно явление подобного превращения – тема погибших кораблей в начале части «Териберская губа». Всего два предложения о том, во что должно обратиться судно в шторм, которые далее переходят в размышления о тяжелом и опасном труде поморов. В поэтическом цикле остатки погибших кораблей – ключевой образ V стихотворения.

В поэзии, также как в прозе, изображается мир природы и этнографические подробности. К. Случевскому удается ввести в циклы и подчинить художественному замыслу точные географические и краеведческие факты: фауну (птицы, киты), описания одежды и устройства северных поселений. Созерцательный субъект удивляется не только величию «природы», но и «другому» человеку, который в своей деятельности прост и мудр одновременно.

Возвращаясь к отмеченным признакам поэтичности травелога К. Случевского – сгущению «колеблющихся» признаков в слове, созданию своеобразной образной системы, которая приобретает целостнообразующую функцию в произведении, – назовем их возможные причины и следствия. Во-первых, как уже говорилось, происходит формирование лирического плана произведения, насыщенного образностью, а также средств для проявления авторского индивидуального начала. Во-вторых, с помощью образов, которые возникают в ореоле поэтически организованной речи, осуществляется отталкивание от «обыденного» слова и сближение с языком иного уровня. Образуется соотношение и взаимодействие разных языков, что, как заметил М. Гиришман, лежит в основе ритма прозаического повествования и «переводит его в новое, собственно художественное качество» [1, 417].

Именно поэтому заметной особенностью путевой прозы К. Случевского являются фрагменты с повышенной ритмико-синтаксической выделенностью. Здесь диагностируется комплекс средств, с помощью которых достигается эффект прозаического ритма:

- фонические повторы: ассонансы и аллитерации обладают явно стиховой нагрузкой («Края его лучились золотистым пурпуром, так что оно казалось окруженным искрившимся, будто кишевшим, красным кольцом. Красноват был также и столб отражения солнца в океанских волнах...» [10, 135]);

- регулярный характер противопоставления малых и долгих синтагм («А берег? А Мурманский берег? Берег этот, иззубренный, продырявленный, выдвинутый со дна океана, с великой глубины, гол совершенно; граниты и грейсы обнажены вполне, потому что при этих колоссальных размерах пейзажа ни во что нейдут, конечно, всякие мхи обильно и цепко растущие повсюду ...» [10, 75].)

- семантические повторы («Отошли мы Кильдина, и потянулся подле нас Мурман нескончаемую, однообразною стеной. Конечно, эта *однообразность* только кажущаяся, потому что всякая беспредельность непременно *однообразна*» [10, 128])

- анафорический параллелизм («Эти глубокие царапины, зияющие по розовым телам гранитов, эти черные раскрытые трещины, эти сплошные утесы величиной с громадный дом...» [10, 141])

- ритмико-синтаксический параллелизм («Между Кильдиным и Кольскою губой побережье как будто *голеет, изможденнее, многострадальнее*, чем где-либо. Отсюда на запад, как мы сказали, побережье, по направлению к Норвегии, становится *выше, извилистее, красивее, взломаннее*; по пути к Белому морю на восток оно *монотонно, утомительно-однообразно*...» [10, 127])

Наконец, третья поэтическая особенность прозы К. Случевского – метризация. Ю. Орлицкий, всесторонне изучивший это явление, заметил, что «случайные метры неизбежно возникают в любом русском тексте, в том числе и нехудожественном» [7, 55]. Сознательная метризация, по мнению исследователя, сопровождается использованием различных средств ритмизации [7, 55].

В отличие от других элементов поэтизации, метризация в травелоге К. Случевского встречается не так регулярно и последовательно. Но в окружении поэтически ориентированного текста она приобретает закономерный характер: «но в горле его идет вечная зыбь» [10, 52], «но зыбь в океане ходила отнюдь не слабее вчерашней» [10, 75], «в тихих заводах утесов» [10, 142], «живший здесь довольно долго...» [10, 117], «За вершинами их в бесконечную даль» [10, 105], «отрадно выйти из-под шторма» [10, 59]. Обнаруживаются эпизоды, в которых метр возникает спорадически, а ритмическое напряжение, усиливаясь в нескольких предложениях, резко спадает. Вот, к примеру, кульминация одного из таких фрагментов: «Какие-то страшные силы наворочали утесы и образовали щели, совершенно невозможные с точки зрения статики; гранитные массы полегли в каком-то безумном страдании, в каком-то чудовищном бреде – так кажется вам – был сам себе целью и ни к чему не привел» [10, 141]. Необъяснимость, граничащая с абсурдом, северного ландшафта вызывает у повествователя сбивчивую, взволнованную мысль, поиск чего-то знакомого, примирительно предсказуемой опоры, чтобы упорядочить «сложное» для человеческого понимания («Вы ничего сообразить не можете» [10, 140]). Образы бреда, неистовства природы, отпечаток которого несут тела скал мурманского побережья, окаймляются мотивами покоя и умиротворения, а ускоренный темп неровной и нервной мысли возвращается к нейтральному ритму описаний и размышлений путешественника. Этот фрагмент, несомненно, поэтического свойства.

Таким образом, нехудожественной путевой прозе К. Случевского сообщилось особое видение и восприятие мира, отозвалось своеобразной образностью, ритмом, звучанием Севера. Узнаваемой манерой,

неповторимым поэтическим почерком украшены многие страницы травелога, вовлекая даже самую «низкую» бытовую деталь в движение «мыслительных» образов Случевского-философа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиришман М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности / М. М. Гиришман. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 528 с.
2. Горло Е. А. Универсальная антропологическая модель поэтического дискурса : автореферат дисс. на соик. научн. ст. д. филол. н. : спец. 10.02.19 «теория языка» / Е. А. Горло – Ростов-на-Дону, 2007. – 48 с.
3. Гроб Т. Писатель «в бегах». Путешествие Антона Чехова на остров Сахалин и на окраину литературы / Т. Гроб // Беглые взгляды : Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века : Сборник статей. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 37 – 58.
4. Ипполитова А. Ю. Случевский : философия, поэтика, интерпретация / А. Ю. Ипполитова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 320 с.
5. Ковалев П. А. Поэтический дискурс русского постмодернизма : Дисс... д. филол. н. : спец. 10.01.01 «русская литература» / П. А. Ковалев – Орел, 2010. – 543 с.
6. Поплавская И. А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX века : автореферат дисс. на соик. научн. ст. д. филол. н. : спец. 10.01.01 «русская литература» / И.А. Поплавская – Томск, 2010. – 34 с.
7. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2002. – 685 с.
8. Скибина О. М. Поэтика жанра путевого очерка / О. М. Скибина // Филологические науки. – 2002. – № 5. – С. 102–111.
9. Случевский К. К. Сочинения в стихах / К. К. Случевский. – М.- СПб. : Летний сад, 2001. – 798 с.
10. Случевский К. К. Поездки по Северу в 1885 – 1886 годах / К. К. Случевский. – М. : ОГИ, 2009. – 272 с.
11. Тахо-Годи А. Е. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне / А. Е. Тахо-Годи. – СПб. : Алетейя, 2000. – 416 с.
12. Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка / Ю. Н. Тынянов. – [4-е изд.]. – М. : КомКнига, 2007. – 184 с.
13. Фатеева Н. В. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности / Н. В. Фатеева. – М. : КомКнига, 2007. – 282 с.